

## **Старообрядцы Северной Маньчжурии в 1940-е гг. в поисках новой Родины**

В процессе расширения Российского государства на восток и юг в XVIII–XIX вв. отношения власти и церкви с сектантством прошли через периоды обострений и затуханий, вытеснив в основном на окраины страны или в отдаленные регионы Сибири и Дальнего Востока религиозное инакомыслие. В ходе широких социальных и государственных реформ XIX в. различные религиозные секты и течения проявляли большую активность, особенно выразившуюся в конце XIX – начале XX вв., что привело к значительному росту миграций инакомыслящих в российские районы, удаленные от фискального ока государства.

Разными средствами приспособления и адаптации своей жизни к условиям Маньчжурии в 1930–1940-е гг. пользовались русские староверы. В течение почти полувека – с конца XIX в. и вплоть до середины 1930-х гг. – довольно значительное число староверческого населения перебиралось из России (и СССР) на жительство в китайские приграничные районы. Оказавшись на территории Китая в конце 1920-х – начале 1930-х гг., староверы Дальнего Востока постепенно осваивали труднодоступные районы Северной Маньчжурии. В 1931 г. в Маньчжурии в числе эмигрантских организаций был официально зарегистрирован так называемый Союз староверов (в который тогда входило 300 домовладельцев)<sup>1</sup>.

И все бы было хорошо, но неожиданно мирная жизнь китайского и русского населения северо-восточного Китая была нарушена вторжением Японии и созданием марионеточного государства Маньчжоу-го. Первоначально японская политика в отношении русских (в том числе староверов) в Маньчжурии складывалась более-менее мирно: японцы лишь требовали порядка, регистрации всего иностранного населения марионеточного государства, соблюдения маньчжурских (читай – японских) порядков. Так начиналась японизация северо-востока Китая.

После продажи Китайско-восточной железной дороги отношение японцев к россиянам-эмигрантам резко изменилось в худшую сторону, особенно после начала японской агрессии на материковый Китай в 1937 г. Как отмечал в своих работах эмигрантский профессор Н. Устрялов, применительно к политике Японии на Дальнем Востоке можно было перефразировать слова Гитлера об освоении новых земель – «германизировать можно лишь земли, а не людей» – следующим образом: «японизировать можно лишь земли, а не людей». «Очевидно, – писал Устрялов, – заселение японцами громадных маньчжурских пространств предполагало предварительное их очищение от китайцев, маньчжур и русских: высшая раса не должна загрязнять свою кровь общением с низшей. Разумеется, тут ставился вопрос об истреблении и порабощении в прямом и подлинном смысле

---

<sup>1</sup> Белые организации в Маньчжурии // АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 16. П. 169. Д. 22. Л. 27.

этих слов. И в существе дела она пребудет верным расовым традициям и славным историческим воспоминаниям»<sup>2</sup>.

Уже к началу 1940-х гг. японцы разработали широкую программу колонизации Маньчжурии, предполагая переселить сюда около 5 млн. человек. Однако существовало одно НО: теплолюбивые японцы, проходившие службу в Маньчжурии, откровенно страдали от суровых маньчжурских зим и неблагоприятного климата. Необходимо было использовать опыт переселенных народов, либо переселившихся добровольно и прошедших успешную акклиматизацию в этом природном поясе, причем ведущих земледельческое хозяйство, рентабельное и экономически самостоятельным. Вот тут японцам впервые «попались на глаза», а на самом деле – просто оказались в центре внимания японской пропаганды русские крестьяне-староверы.

Для изучения опыта староверов в места их постоянного проживания в маньчжурской глуши, вдали от посторонних глаз, стали посылаться «ученые-исследователи и журналисты», которые, вероятно, служили в спецподразделениях японской армии. Японские газеты запестрели статьями о жизни староверов, их быте, настроениях, трудолюбии, вероучении. Газета «Маньчжурия Дэйли Ньюс» поместила большую статью о планах расселения русских староверов в Маньчжоу-го и о порядке колонизации пустынных регионов страны. Тут планировалось построить своего рода военные поселения, «поскольку русские знакомы с условиями сельского хозяйства и животноводства в Маньчжурии». Власти надеялись, что такие поселения станут примером для японских и корейских новопоселенцев<sup>3</sup>.

Японские власти обещали выдачу ссуды для постройки жилья и служебных помещений, средства на сам переезд, обучение детей поселенцев, здравоохранение, содержание церкви, закупку сельскохозяйственных орудий, машин и т.д. Поселенцы обязаны были заниматься сельским хозяйством и разведением лошадей и различного скота. Продовольствием поселенцы должны были обеспечивать себя сами, поэтому им предоставлялась свобода в выпашке стольких земель, сколько они смогут освоить для пропитания своего семейства. В дальнейшем план предусматривал, что поселенцы будут разводить соевые бобы, пшеницу, кукурузу, просо, овес, гаолян и кормовые культуры, и часть урожая будет реализовываться на специальных закупочных пунктах<sup>4</sup>. На деле староверам, находящимся в эмигрантском бесправном положении, уготована была судьба рабского населения новых колонизируемых районов: красивые слова японской пропаганды о великих возможностях теряли смысл, когда в строгой отчетности механически прописывалось сколько необходимо было посеять полей, затем расширить их, довести до определенной рентабельности, снять и продать урожай, сколько надо было иметь со своего хозяйства годового дохода и чистой прибыли, сколько вернуть за пользование сельхозорудиями посевного зерна, животных для разведения, сколько иметь дополнительного дохода от раз-

---

<sup>2</sup> Устрялов Н. Германский национал-социализм. М., 1999. С. 46–47.

<sup>3</sup> Manzhuria Daily News, 1941, March 16.

<sup>4</sup> Там же. См. также: АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 34. П. 254. Д. 34. Л. 4–5.

ведения домашней птицы, пчел или охоты! Все протоколировалось, вводилось в таблицы, графики, долговые выплаты и т.п.

В 1942 г. в японском журнале «Геккан Росия» была опубликована статья Фукуда Сикозэи о русских поселках в Маньчжурии. «...Что специфического в жизни русских переселенцев, проживающих в маньчжурских поселках? – задавался вопросом автор. – В Маньчжурии живут не только русские белогвардейцы, занимающиеся сельским хозяйством и исповедующие православие, ставшее основой их жизни, культуры и быта. В Маньчжурии имеются еще особые русские поселки, жители которых, будучи русскими, не являются православными. Я имею в виду старообрядческие поселки в Маньчжурии. Можно сказать, что спецификой их жизни является животноводство и религия. Эти две особенности отличают русских переселенцев, бежавших из Советского Союза и осевших в Маньчжурии, от маньчжур и монголов. Эта особенность еще более привлекла мое внимание, и я решил посетить эти старообрядческие поселки»<sup>5</sup>. В статье довольно подробно рассказывалось об истории русской церкви и старообрядчестве (почти ¼ объема статьи, которые мы опускаем).

Все староверы, бежавшие из Советского Союза в Маньчжурию, проживали раньше в основном в Приморье. Это говорит о том, что в Приморье было много больших старообрядческих деревень, жители которых бежали из-за притеснений советской власти. Хотя еще в прежнее время (царской России) по ряду причин староверы вместе со своими семьями переселялись все дальше на Восток – в Сибирь и Приморье, где они по примеру своих предков создавали новые деревни и поселки и продолжали оберегать свою веру, ведя замкнутый и суровый образ жизни. Фукуда Сикозэи подчеркивал, что и в Маньчжурии они продолжали придерживаться своих традиций. Пройденный староверами тернистый путь, по мнению японского автора, выработал в них пуританский характер и наложил на их образ жизни отпечаток таинственности и суровости.

Все русские поселки в Маньчжурии (Романовка, Коломбо, Силинхэ и др.) были заселены русскими крестьянами-белогвардейцами. Поселки Коломбо и Силинхэ, заселенные староверами, не имели своих церквей, но поселок Романовка и другие поселки староверов в районе Трехречья имели свои церкви, отдельно от православных. Все эти строгие правила в повседневном быту очевидно являлись результатом гонений и репрессий против староверов, воспитавших в них дух индивидуализма и граничащую со спартанством твердость характера.

Поселок Романовка начал строиться в 1931 г. Он был построен в основном русскими белогвардейцами, бежавшими из России в 1930–1935 гг. К началу 1940-х гг. в поселке насчитывалось около 160 душ, он был самым большим старообрядческим поселком во всей Маньчжурии. Жители Романовки раньше проживали в деревнях Приморья и в Петропавловске. С началом коллективизации в Советском Союзе староверы объединились и выступили против, в связи с чем в конечном итоге, преследуемые ГПУ, они были вынуждены бежать в Маньчжурию. Староверы перешли границу в районе Хутоу, откуда разбрелись по всей Маньчжурии, но продолжали поддерживать между собой письменную связь<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> Фукуда Сикозэи. Русские поселки Маньчжурии // «Геккан Росия». 1942, февраль // АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 30. П. 230. Д. 70. Л. 3–8.

<sup>6</sup> Там же. Л. 5–6.

Два брата Иван и Семен Калугины первыми прибыли в Хэндаохэдзы. Осмотрев землю района будущего поселка Романовка, они подали заявление в управу города Нинань о разрешении поселиться в этом районе. Как указывает Фукуда Сикозэй, в то время этот район представлял собой «дикую, безлюдную местность, где ютились только бандиты и дикие звери». Нинаньская управа пошла братьям навстречу, нарезала им бесплатно землю и разрешила рубку леса для строительных нужд. Калугины усердно взялись за работу. Вначале они жили в палатках, но постепенно, шаг за шагом, начали осваивать новую землю. Вскоре стало известно, что этот район отошел к Муданьцзянскому железнодорожному управлению, но и это управление пошло навстречу переселенцам, и только в 1939 г. после того, как поселок уже оформился, начало получать с них налог по 7 сен за каждый акр.

Постепенно в Романовку стали год за годом переселяться другие представители старообрядческих семей, сначала в основном одни мужчины. Они привозили с собой лошадей и привозили сельхозинвентарь. Затем каждый из них вызывал свою семью, и они начали заниматься сельским хозяйством. Уже в 1937 г. было разработано 12 десятин земли, был посеян овес и устроены огороды. В конце этого же года было построено 14 домов, и население поселка выросло до 109 душ с 20 хозяйствами. На четвертом году переселения, т.е. в 1939 г., было уже построено 26 домов, и каждый двор имел по 3 десятины пахотной земли, по 3 головы рогатого скота или лошадей, основной сельскохозяйственный инвентарь, а в апреле 1939 г. была закончена строившаяся в юго-западной части поселка церковь. Так оформился поселок Романовка.

«Надо признать, – пишет Фукуда Сикозэй, – что это довольно высокие темпы колонизации. Сейчас Романовка еще не может полностью прокормить себя и обеспечить кормом свой рабочий скот, но то, что переселенцы уже успели сделать за такой короткий срок, достойно удивления». Первая причина такого успеха заключается, по мнению японского автора, в их религиозном единстве. Староверы, изгнанные советской властью и рассеянные по всей Маньчжурии, продолжали поддерживать между собой тесную связь; на первых порах колонизации и до полного оформления того или иного поселка работали коллективно. Вторая причина – удачный выбор земельных участков, что, как считает Фукуда Сикозэй, является характерной особенностью русского крестьянина: «Это говорит о том, что русские могут хорошо приспособляться к северному климату и к северным условиям вообще. Нельзя также упускать из виду и то, что они получали доходы и от охоты. Предполагается, что еще до переселения у них были наличные деньги, заработанные охотничьим промыслом. Переселенцы восполняли свои доходы от сельского хозяйства доходами от охоты и после переселения в Маньчжурию. Основой жизни переселенцев служат сельское хозяйство и охота, а побочными промыслами – животноводство и пчеловодство. Это тоже особенность русского крестьянина. Повседневная жизнь староверов регулируется строгими религиозными правилами. Это значительно отличает староверов от русских крестьян вообще»<sup>7</sup>.

---

<sup>7</sup> Там же. Л. 3–8.

Тем не менее, как считает японский автор, староверы никогда не смогут играть руководящую роль среди славянских народов, так как староверам законом запрещено было вступать в брак с иноверцами. «Вообще надо сказать, что любая религиозная идея, как бы прекрасна она ни была, теряет всякий смысл, если не способствует процветанию того или иного народа. Но этот закон грозит большими затруднениями в будущем, т.к. он может привести к кровосмесительным бракам, – размышляет Фукуда Сикозэй. – Единственно, чему можно поучиться у староверов – это твердости духа и единству, созданному на религиозной основе. Но и это единство тоже имеет границы. В начале переселения староверы работали коллективно, но по мере стабилизации личной жизни каждого, этот союз ослабевал, и более высокого развития этих переселенческих поселков в будущем ждать нельзя».

Подобная тенденция наблюдалась не только в Романовке, но и во всех русских белогвардейских поселках. «Сначала русские, – указывает автор, – не спеша начинают осваивать какой-либо девственный участок, затем они создают более или менее приличный образ жизни, и на этом заканчивается их развитие. Другими словами, у них нет стремления, опираясь на достигнутое, продвигаться вперед и расширять то, что они имеют. Это очень интересный вопрос, и я часто над ним задумываюсь»<sup>8</sup>.

В заключение автор приходил к выводу: «Совершенно необходимо, чтобы наши переселенцы умело вели свое хозяйство и добились, по крайней мере, хороших повседневных жизненных условий. Зима в Северной Маньчжурии длится больше полугода, поэтому мы должны научиться удобно устраивать жизнь наших переселенцев на этот срок. В этом отношении мы должны непременно поучиться у староверов поселка Романовка»<sup>9</sup>.

Таким образом, российские староверы в оккупированной японцами Маньчжурии вынуждены были разными средствами адаптироваться в новых обстоятельствах жизни и искать себе «новую родину», которая, увы, совсем не стала ни ласковой мачехой, ни даже строгим отцом. Спасаясь от советской власти и коллективизации, беженцы из Приморья нашли на месте новой родины более жесткий политический режим, по сути, уготовлявший им худшую судьбу военных поселенцев, а по сути – крестьянское рабство.

---

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Там же. Л. 7–8.